

АРТУР МЕЛЛЕР ВАН ДЕН БРУК

ПОЛИТИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ

ТОМ 2
ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ

МОСКВА 2025

**УДК 321
ББК 66.0
М47**

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Ислам Паштов.

Меллер ван ден Брук, А.

М47 Политические сочинения. Том 2. Человек политический. — М.: Тотенбург, 2025. — 190 с.

Второй том политических сочинений Артура Мёллера ван ден Брука представляет собой квинтэссенцию социальных идей мыслителя, раскрывающих интеллектуальный фундамент концепции «Третьего Рейха».

Сборник открывает ранняя работа «Рождение нации», где автор формулирует краеугольный камень своей философии: важность национального воспитания и обретения народом своего духовного и политического «Я».

«В либерализме гибнут народы» предлагает системную деконструкцию либерализма как политического и интеллектуального движения. Свободный от каких-либо предубеждений и теорий заговора, автор приглашает читателя вместе с ним поразмысливать над ролью масонства, Просвещения и корыстных интересов Франции и Великобритании в формировании либерализма, за программными фасадами которого скрываются империалистические амбиции Запада.

В сборнике «Человек политический» Артур Мёллер ван ден Брук не просто комментирует события Веймарской республики, а дает им глубокую духовную диагностику. Он видит в политическом кризисе следствие кризиса ценностного. В противовес хаосу эпохи автор формулирует позитивную программу: он определяет сущностные черты подлинной Традиции, призывает молодежь к духовному обновлению и провозглашает необходимость создания «третьей партии», свободной от дихотомии правых и левых.

**УДК 321
ББК 66.0**

© Ислам Паштов,
перевод с немецкого, 2025
© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ	5
ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА ГИБНУТ НАРОДЫ	19
I	21
II	22
III	27
IV	34
V	46
VI	50
VII	53
VIII	57
IX	66
X	72
ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ	75
ЧЕЛОВЕК ПОЛИТИЧЕСКИЙ	77
I	77
II	79
III	82
<i>Поколение</i>	
ТРИ ПОКОЛЕНИЯ	85
НЕМЕЦ НА ЧУЖБИНЕ	98
АУТСАЙДЕР КАК ПУТЬ К ВОЖДЮ	114
РЕВОЛЮЦИЯ, ЛИЧНОСТЬ, ТРЕТИЙ РЕЙХ ...	123
<i>Подготовка к будущему</i>	
РАЗМЫШЛЯЯ О ФРИДРИХЕ ЛИСТЕ	132
ВОЗВРАЩЕНИЕ НИЦШЕ	140
ВОЗВРАЩЕНИЕ ФРИДРИХА.....	146

Пробуждение молодежи

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ МОЛОДЕЖИ	150
ГЕРОИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ.....	159
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ	168
БЕЗРАЗЛИЧИЕ ЗАПАДА	176
ВЗГЛЯД НА ВОСТОК.....	181

РОЖДЕНИЕ НАЦИИ¹

¹ Erziehung zur Nation. Berlin, 1911 (Flugschriften des Vaterländischen Schriftenverbands 13). — Здесь и далее прим. нер.

Если мы, немцы, хотим идти вперед в этом мире, мы должны осознать, кто мы есть. Мы сможем продолжить нашу историю, лишь поняв то особое предназначение, что дано нам, как и всякому народу.

Будущее скрыто от нас в двояком смысле: оно и темно, и изменчиво, подвержено неожиданным катастрофам и случайностям. Но в то же время оно заключено в нашей собственной воле. Народ сам творит свою историю, подобно тому, как человек творит свою жизнь. Итогом становится подлинная ценность народа, то, что он вносит в мир для вечного поминовения, или же ничтожество, которое вскоре развеется, подобно дыму.

На протяжении тысячелетий мы видим, как народы трудятся над своей национальной историей как над делом жизни. Они могут делать это, лишь работая над собой, исходя из своей сути и затем собираясь в целое, которое отпечатывается во всемирной истории. Великие народы работают над собой как над произведением искусства, ясно сознавая, что лишь в них самих заключена творческая сила, способная возвысить их дух. Можно сказать: народы становились великими в той мере, в какой познавали самих себя, по величию самосознания всегда можно узнать великий народ.

От такого уровня развития, когда нация ясно осознает, что все ею содеянное имеет значение перед лицом мировой истории, мы в Германии, при всем нашем внешнем превосходстве, отстоим дальше, чем любой другой народ.

Именно это делает нашу политическую жизнь столь мелкой и незначительной — то, что она не опирается на ту мощную основу, на которой некогда стояла жизнь римлян, а ныне стоит жизнь американцев и англичан! Потому лучшие среди нас, исполнив долг и высказав свое мнение, после тщетных попыток повлиять на историю Отечества отстраняются от всей этой суэты, предпочитая действовать в тиши, а не на публике. А те, кто остается вопреки всему, неизменно мельчают и в итоге застревают в тех же узких идеях, которые собирались преодолеть.

Не раз случалось, что способный и честный человек, на которого возлагались надежды, сперва брался за решение серьезных проблем, но в конце концов — увы! — скатывался к партийной мелочности. Наши же партии, коих у нас великое множество и которые, казалось бы, призваны превратить парламентаризм в подлинную силу, становятся все напыщеннее в программах, но все беднее, бездуховнее и ничтожнее в идеях.

Это, впрочем, не упрек парламентаризму как таковому: при олигархическом устройстве он способен порождать плодотворные идеи, и другие нации с немногими, но национально сознательными партиями действительно достигли через него могущества. Но это красноречивое обвинение нашему народу, который при всех талантах не сумел извлечь из той же системы ничего, кроме жалкого существования, где политика поражена летаргией и полумерами, а со времен основания Империи не создано ничего значительного.

Нет необходимых предпосылок. *Отсутствует то великое понимание, что в политике речь идет не столько о государстве и государственных вопросах, сколько о нации и национальных интересах.* Вместо этого укоренилась мелочность, при которой множество мнений, исполненных самомнения, упорно продвигают узкие, партикуляристские интересы, давно уже канувшие в Лету.

Именно те, чьи мысли устремлены к великому и целостному, не станут опускаться до этой мелкой возни. Для них политические проблемы сводятся к административным и экономическим. Пусть ими занимаются чиновники и полиция, а социальные вопросы пусть решает само общество. Мы знаем: подлинная судьба народа решается силами выше партий. И учитывая нынешнее состояние народа, еще не сформированного национально и политически, можно даже считать, что в худшем случае такое решение окажется вернее, чем предоставленное самому народу.

Так мы приходим к выводу: по внутреннему существу мы еще не нация. Не только потому, что терпим унизительное положение, когда соседи участвуют в нашей народной жизни, а миллионы соотечественников принадлежат чужим государствам — это осознается, хоть и не немцами внутри империи, и может быть времененным состоянием. Не только потому, что наша религиозная жизнь расколота на два враждебных исповедания, тогда как великая нация зиждется на национальной Церкви, которой обладали все великие народы: ведь вполне возможно, что

мы имеем здесь дело с явлением, связанным с нашей двойственной природой и историей, в которой так часто проявлялась слава нашего дважды одаренного, и мистически, и метафорически, и художественно, и философски, народа, и что со временем, на основе христианства, противоречия будут все больше сглаживаться, приближаться друг к другу и в конце концов исчезнут, а может быть, под давлением совершенно новых мировоззренческих проблем и вовсе растворятся в едином христианстве. Главное, мы не нация потому, что в народе и в каждом отдельном немце нет глубокого понимания того, что значит *быть немцем* и действовать как немец в истории народов. В этом корень всех наших поражений. Через все прошлое проходит трагическая нить: мы рождали великих немцев, героев, мученик, превосходивших других, но народ оставался неспособен воспринять их труды, перенести их в общую жизнь и национальное бытие.

Прежде чем стать готовыми к государственной жизни, мы должны выполнить предварительное условие — наконец сформировать народное самосознание. *Требование гласит: не политизировать немецкий народ, а национализировать его!*

Конечно, верно, что национальное самосознание у каждого народа свое. Политическая активность романских народов, выражаясь в шуме и публичности, нам не подошла бы. Мы, немцы, все переживаем внутренне, включая нашу историю. Можно даже сказать: если другие народы владеют сутью национального самосознания, то мы — его

представителями, личностями, великими национальными мыслителями.

Во Франции каждый обыватель — политический обыватель, тогда как в Германии не найти и одного из тысячи, кто бы хоть сколько-нибудь мыслил политически. При этом французские политики отличаются друг от друга разве что громкостью крика, реже — мужеством, никогда — силой идей. Как явления они принадлежат скорее истории своих партий, чем отечества.

Напротив, наши политические мыслители всегда исключительные личности: выдающиеся мужи, чье первоначальное значение принадлежало философии, науке, общему мышлению — от Гуттена² до Фихте³ и Лагарда⁴. Лишь потому, что нужда народа призвала их, они перенесли в сферу воли то, что изначально было духом. Но следствием такого пробуждения становилась не национальная идея, а национальное действие — от Лютера до Бисмарка.

Однако народ поднимался лишь на само действие, не достигая долговременного эффекта. Нашим мыслителям и героям раз за разом отказывали в устойчивом влиянии, потому что народ отказывался его воспринимать. Мы пережили это после гуманистического пробуждения, после религиозных

² Ульрих фон Гуттен (1488–1523) — немецкий гуманист и полемист, соавтор сатиры «Письма темных людей», сторонник идей Мартина Лютера на раннем этапе Реформации.

³ Иоганн Готлиб Фихте (1762–1814) — немецкий философ, один из ключевых представителей немецкого классического идеализма.

⁴ Пауль де Лагард (1827–1891) — немецкий востоковед, филолог и публицист. Известен критикой современного ему образования и церкви, а также трудами по национальному возрождению Германии.

войн, после объединения. Нации не хватило внутренней силы, амбиций и, главное, понимания, что только от нее самой зависит, удержится ли она на достигнутой высоте.

И потому после всех побед мы расслабились, стали поверхностными, беспечными, равнодушными к дальнейшей судьбе. Потому мужи, ведшие нас, снова и снова вкладывали силы в национальное воспитание. Потому Лютер взывал: лишь необходимо, чтобы мы познали самих себя и стали первым народом среди народов. Потому Фихтеставил наше великое будущее в зависимость от того, придет ли к истинному самопознанию. И так же говорил Пауль де Лагард, с суровой настойчивостью повторяя: с объединением Германии еще не все достигнуто, истинное единство требует того, чего нам так не хватает, — единства ведомых.

С другой стороны, в этой политической наивности кроется наша лучшая народная сила, и здесь нет противоречия. Здесь проявляется наше особое положение среди наций: несмотря на долгую историю, мы все еще молодой народ, не достигший полного самосознания и все еще готовящийся к подлинному всемирно-историческому действию. В этой непредопределенности раскрывается подлинно немецкая черта — глубокая уверенность, что в конечном счете все обратится к лучшему, даже в самые темные времена. От этой фундаментальной установки мы не хотим и не можем отказаться.

Мы, немцы, никогда не питали склонности к изощренным политическим расчетам, к диплома-

тической казуистике. Но мы неизменно оказывались неудержимы, когда в естественном порыве обрушивались на противника, сметая все искусственные уловки, всегда с твердым ощущением своей национальной и моральной правоты. Этот *furor teutonicus*⁵, когда-то делавший нашу политику подлинно национальной, живет в народе и сегодня. Именно он формирует мнение других народов о нас: десятилетиями преследуя нас завистливой меркой, мир смутно чувствует, что нет ничего опаснее поражения Германии, ибо оно пробуждает нас к самосознанию и, как не раз бывало, вызывает новый подъем немецкого духа, роковой для других народов.

В такой оценке есть доля горькой правды. Однако нельзя допустить, чтобы добродетель великого народа заключалась в унаследованном недостатке. Если мы хотим удержаться в этом мире, нам ничего не остается, как воспитать себя, не отрекаясь от характера, до состояния зрелой нации. Иначе бы обстояло дело, если бы мы, подобно эллинам в упадке, решили довольствоваться ролью исключительно духовного народа. Но мы находимся в двойственном положении: мы не только глубоко одарены изнутри, но одновременно и народ, активно действующий во вне. Эллины проиграли свою Пелопоннесскую войну, мы же вынесли борьбу за пределы страны и победили. Это навсегда отличает нас, открывая перспективы будущего, принадлежащие только нам.

⁵ «Тевтонская ярость» — с лат.

Еще недавно мог стоять вопрос, и сам факт, что сегодня он неактуален, показателен: была ли новейшая история Германии по-настоящему «немецкой», особенно учитывая половинчатую индустриализацию древнего крестьянского народа? Но теперь, когда мы вступили на этот путь, было бы смехотворно отступать от дела, предназначенного судьбой. *Мы обязаны завершить развитие Германии по-немецки! В этом наша цель и смысл существования.*

Наше будущее в любом случае останется частью немецкой истории, что бы ни произошло с Германией: от нас самих зависит, сможет ли новый этап, начавшийся с нами, сравняться с нашим прошлым и слиться с ним в единое великое национальное целое.

Перед нами ясная задача: соединить две стороны нашей одаренности и построить жизнь в новой Империи, которая будет немецкой именно потому, что одновременно культурна и политична — стать мировым народом не для растворения среди других, а чтобы указывать им направление, используя политическое превосходство для утверждения культурного господства.

Мы сможем это, только осознав, кто мы есть. Наше завершение коренится в изначальном предназначении. А пока мы пребываем в том состоянии, в каком создала нас земля и изменчивая история, народ, все еще колеблющийся в настоящем, яростно ищущий свою окончательную форму.

Пока исторические обстоятельства были просты, мы могли доверять формирование нашей судьбы великим мужам, оставаясь верной свитой.

Но с тех пор, как обстоятельства усложнились и вывели нас на мировую арену, где мы столкнулись с сознательными нациями, не только романскими, но и англичанами, американцами, японцами, мы должны всем народом включиться в работу эпохи. Только так в будущих битвах наши новые вожди вновь обретут в народе опору, соответствующую времени.

Национализм — это народное самосознание. Нам не хватает ни того, ни другого. Мы не хотим почти ничего от самих себя. Мы даже не хотим знать, как давно существуем. Для миллионов немцев немецкая история начинается примерно с момента их собственного рождения, а в остальном они живут бессмысленно, без живого представления о нашем прошлом. То, что мы существуем в мировой истории две тысячи лет, ускользает от большинства. Так же мало знают они о том, что мы совершили за эти тысячулетия. Даже то, что мы были победителями Рима, что существовала великая латинская империя, простиравшаяся на все страны, кроме нашей, все это в народной массе полузабыто. И уж тем более это лишь книжное знание, а не живая память, что мы унаследовали эту империю, пробудились как народ куда могущественнее сегодняшнего, несли гибеллинскую идею, веками владевшую миром, и однажды обладали величайшей властью на Западе.

И все же это забвение наших исторических деяний ничто по сравнению с непониманием нашего духовного предназначения, запечатленного в духовных ценностях, рожденных между этими национальными взлетами. Одно имя Данте объединяет всю

Италию. Имя Лютера же означает великого немца лишь для половины нашего народа, хотя все мы, независимо от вероисповедания, должны как минимум чтить в нем создателя нашего языка, на котором говорим сегодня. Мы таскаем за собой длинный ряд официальных культовых фигур, среди которых, пожалуй, только Гёте и Шиллер заслужили свою славу, ибо выразили суть нации и признаны всеми ее слоями. В то время как в сознании отсутствуют многие великие немцы, их место занимают ничтожные фигуры, эпигоны и эффектные бездари, загромождающие память. Все монументальное оттеснено на задний план, первый же заполнен посредственностью.

Наше национальное образование — это образование по учебникам, а не переживание и формирование через опыт. Где в Германии преподавание строится на «Песне о Нibelунгах», как греческое на Гомере? Что знает сегодня нация о Вальтере⁶ и Вольфраме⁷? Что понимает под именами Лейбница и Канта? Лишь специалисты возятся с нашими гениями. Немецкая библиотека пребывает в уютном покое фундаментальной малопонятности. И едва ли можно сказать, что даже в немецкой музыке, мире, столь же великом, как греческая драма, узкие круги сохранили нечто вроде музыкальной культуры.

Здесь мы должны собраться воедино, если хотим быть нацией. Национальное воспитание не мо-

⁶ Вальтер фон дер Фогельвейде (ок. 1170 — ок. 1230) — средневековый немецкий поэт-миннезингер.

⁷ Вольфрам фон Эшенбах (ок. 1170 — ок. 1220) — немецкий поэт-миннезингер, автор рыцарского романа «Парцифаль».

жет основываться ни на чем ином, кроме национальной истории. Пусть никто не думает, что наше прошлое мертвое: оно живет в нас и определяет каждое действие. Целые классы, особенно забытые слои «образованной» публики, могут быть отрезаны от этого прошлого.

Но, как показывает опыт, именно они оказываются неспособны решать современные проблемы — хотя именно через настоящее прошлое продолжается в будущее. Если сегодня мы терпим поражения, то потому, что политический дух оказался в руках людей без живой связи с нацией: номинальных немцев, лишенных чувства ответственности перед народом. Их слова определяются не лучшими, а самыми дряхлыми страницами нашей истории, тогда как великие политики, от Карла Великого до Бисмарка, всегда были воплощением немецкого духа.

Речь идет именно об этом целостном немецком духе. О народе. О нации. К ней принадлежит каждый, кто ощущает живую связь с ней, к кому бы классу он ни относился. Все, что мы, немцы, еще создадим в будущем, все, чего достигнем в культуре и политике, неизбежно будет произрасти из этой почвы немецкости, и ничто в этой сфере не может произойти, оставаясь оторванным от национальных корней.

Что произойдет — мы не знаем. Окружающие нас народы говорят, что нас ждет мировое господство, гегемония в Европе, власть над континентом в эпоху мировой политики. Они признают за нами это положение, несмотря на все сомнения в нашем

настоящем, ибо чувствуют упадок собственных сил и видят наш потенциал. Они верят в нас, ибо знают нас лучше, чем мы сами. Нынешнее состояние нерешительности и неопределенности, в котором пре-бывают государства и народы, не будет вечным. Когда-нибудь наступят новые перемены. Мы должны подготовиться к этому моменту. Но сможем сделать это, только зная, кто мы такие. Как можем мы наполнить мир немецкостью, если прежде не наполним ею самих себя?